

ЛИНГВИСТИКА

Ю. П. Борисов

АНАДИПЛОСИС КАК СРЕДСТВО КОГЕЗИИ: ЛОКАТИВНО-ТЕМПОРАЛЬНЫЕ СВЯЗИ ЭПИЧЕСКОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ ОЛОНХО¹

Привлечение к изучению явления анадиплосиса представляется актуальной исследовательской задачей. Семантический анализ языковых единиц эпоса проводился в работе с привлечением словарных дефиниций при актуализации анадиплосиса в тексте якутского героического эпоса «Могучий Эр Соготох» В. О. Каратаева. Для наиболее полного выявления разнообразия и разнохарактерности средств когезии, выраженных анадиплосисом в тексте олонхо, посредством компонентного анализа проводится разложение анадиплосиса на элементы. Для установления истинности онтологизируемой информации, касающейся в данном случае проблемы когезии в эволюции эпического повествования, в языковых единицах используется метод верификации. Прямое номинативное значение языковых единиц якутского языка отражает основные компоненты анализируемой структуры, что способствует экспликации актуализации слова в контексте. Семантико-когнитивный анализ при помощи когнитивной интерпретации анадиплосисов позволяет выявить представления сказителя и его аудитории об эпической действительности, членение эпического времени и пространства. Ретроспективный и проспективный анализ рассматриваемых примеров используется в работе для описания и классификации видов анадиплосиса в олонхо. Общим методом исследования является индуктивно-дедуктивный, т.е. в результате проведенного анализа практического материала делаются теоретические выводы. Установлено, что анадиплосисы в тексте якутского героического эпоса олонхо представляют собой контактную когезию-подхват и являются одним из основных средств связи, эксплицированным на поверхностной структуре текста: на стыке основного эпического повествования и его дополнения. Они порождены масштабностью эпического текста и являются прямым доказательством нелинейности эпического повествования, о чем также свидетельствуют смоделированные схемы анадиплосисов. Также выявлено, что анадиплосисы образуются посредством повтора и дословного повтора в сочетании с указательными местоимениями: *ол / оол, бу*. Все рассмотренные примеры состоят из двух взаимодополняющих членов, представляющих собой дискретные структуры. При классификации анадиплосисов можно выделить три основных вида: ретроспективные, условно-медиальные и проспективные, где основным критерием классификации служит темпоральная направленность анадиплосисов.

Ключевые слова: *олонхо, подхват, стык, анадиплосис, когезия, повтор, ретроспективные анадиплосисы, медиальные анадиплосисы, проспективные анадиплосисы, возвратные анадиплосисы.*

Актуальность и новизна исследования определяются тем, что анадиплосис в системе якутского героического эпоса олонхо фактически не исследован, при этом является одним из основных языковых средств текста якутского героического эпоса. Подробное исследование анадиплосиса, анализ его компонентов в свою очередь будет способствовать более глубокому проникновению в онтологические характеристики дискретных единиц текста эпоса олонхо, в частности когезии.

Цель настоящего исследования заключается в выявлении и описании функциональных особенностей анадиплосиса в качестве вида когезии в тексте якутского героического эпоса с точки зрения семантико-когнитивного лингвистического подхода.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №16-06-00505 А "Эпико-фольклорное наследие народов арктической и субарктической зоны Северо-Востока России: трансформация культурного пространства, цифровые архивы, информационная система".

Исследуемый текст олонхо был записан в 1982 г. В. В. Илларионовым в условиях, максимально приближенных к традиционной обстановке исполнения олонхо в период его активного устного бытования с участием слушателей-любителей и знатоков олонхо (Каратаев, 1996: 23).

Известно, что анадиплосис входит в группу стилистических средств – повторов, которые являются одним из наиболее типичных языковых средств, используемых для придания речи образности и выразительности (Князева, 2016: 92). Наиболее полное определение термина повтор можно обнаружить в трудах Н. В. Князевой: «Повтор обычно определяется как повторение, или неоднократное использование, одних и тех же единиц в пределах одного микротекста. Повторы делят на звуковые, морфемные, лексические и синтаксические и, кроме того, рассматриваются случаи морфологических повторов и совмещения лексического и синтаксического повторов – при лексико-синтаксическом параллелизме. В свою очередь, повтор входит в ряд «фигур добавления»: анадиплосис, полисиндетон, пролеписис (пролепса) и др.» (Князева, 2016: 92). Вслед за ней о другой особенности повтора О. Л. Заболотнева пишет, что «повтор или реприза обнаруживается в условиях достаточной тесноты ряда, то есть достаточно близко друг от друга, чтобы их можно было заметить» (Заболотнева, 2012: 76).

В эпическом тексте на основе повтора также образуется и ритмико-синтаксический параллелизм, в котором дословное повторение лексических единиц и повтор семантической нагрузки членов параллелизма являются основным организующим началом. О чем В. М. Жирмунский писал: «Синтаксический параллелизм как принцип композиционной структуры допускает словесное повторение, как эквивалент рифмы слов, одинаковых по своей синтаксической функции и морфологической структуре. При этом, чем архаичнее поэтический стиль, тем чаще в нем такие повторения» (Жирмунский, 1962: 45).

Здесь уместно упомянуть наблюдения Е. А. Иванчиковой. По мнению исследователя, в определенных условиях повторение слов, сохраняя свое назначение экспрессивного лексического средства, используется для выполнения грамматических – морфологических и синтаксических – функций (Иванчикова, 1969: 127). Е. И. Иванчикова устанавливает, что прием лексического повтора как способ синтаксического распространения обладает большой степенью синтаксической вариативности и гибкости – и в структурном, и в функциональном отношении, т.е. посредством лексического повтора могут быть введены распространяющие члены с любыми синтаксическими функциями, кроме собственно предикативных (Там же, 134).

Далее рассмотрим определения анадиплосиса в трудах отечественных исследователей. В литературном энциклопедическом словаре М. Л. Гаспаров анадиплосис объясняет следующим образом: «Анадиплосис (от греч. *anadiplosis* – удвоение) стык, подхват, повтор последнего слова (группы слов) стиха или колона в начале следующего» (Лит. энци. слов., 1987: 22). При этом, литературовед понятие анадиплосиса рассматривает в тесной взаимосвязи с градацией, в частности его узкого смысла: «Градация (от лат. *gradation* – постепенное повышение) в узком смысле слова – цепь анадиплосисов» (Лит. энци. слов., 1987: 79).

В свою очередь, О. А. Вольф вместо термина анадиплосис использует термин *стык* и определяет его следующим образом: «Стыком (анадиплосисом) называем фонетическую или текстовую фигуру, построенную по принципам повтора и асимметрии, суть которой состоит в том, что конец одной языковой единицы повторяется полностью или частично в начале второй языковой единицы. Неудачное, неблагозвучное столкновение тождественных или сходных звукосочетаний между словами (или сочетание двух слов), называем стыком-какологией» (Вольф, 2013: 47).

Как утверждает А. А. Конунов, в тюрко-монгольских эпосах подхват носит в большинстве своих проявлений глагольный характер и в основном содержится в их фабульной части, повествующей о событиях и действиях, поступках персонажей (Конунов, 2014: 25). Об анадиплосисе в алтайском эпосе исследователь пишет: «В становлении его как стилиевой категории

свою роль сыграла особенность памяти при устной передаче значительного объема информации. Также повтор слова, а точнее окончания фразы, в начале следующей позволял при исполнении сказания не терять нить повествования, последовательно переходить от одного события к другому, от одной темы к другой, придавая стройность, а местами и торжественную приподнятость изложению» (Конунов, 2014: 25).

Из определений анадиплосиса становится ясно, что основное организующее начало в нем принадлежит экспрессивно выделяемому повтору. О функциях подобных повторов Е. А. Иванчикова пишет: «Лексическая единица (любая и в любой форме), экспрессивно выделяемая (благодаря повтору и переносу ее в новый, оформленный в виде самостоятельного предложения синтаксический контекст) во всей своей семантической полнотности, выполняет в то же время и чисто синтаксические функции: она осуществляет связь с предложением, из которого ее вырвали, и она же является центром, направляющим дальнейшее синтаксическое развертывание высказывания. Такой способ синтаксического развертывания позволяет включать в текст новую информацию без усложнения структуры высказывания разного рода синтаксическими ответвлениями» (Иванчикова, 1969: 138–139).

Между тем, Е. Б. Артеменко и С. Г. Лазутина утверждают, что в народно-лирических произведениях фольклора лексическая база синтаксических конструкций оказывается значительно более узкой, чем за его пределами и известным образом дифференцированной по конструкциям: «Своеобразие рассматриваемых структур обуславливается и тем, что компоненты каждой структуры в рамках закрепленного за нею набора лексических средств реализуются в содержательно соотносенных, устойчивых парах и рядах слов. Всем этим создается специфический для фольклора (прежде всего песенно-стихотворных форм) лексико-синтаксический «сплав» (Артеменко, Лазутин, 1979: 30). Как пишут исследователи, данное явление генетически обусловлено, с одной стороны, устным характером бытования произведений народного творчества, порождающим тенденцию к созданию и использованию «готовых» художественно-языковых средств, количественно более ограниченных, чем все многообразие средств народно-разговорной речи, а с другой – определенной ограниченностью и устойчивостью тематики отдельных жанров фольклора» (Артеменко, Лазутин: 1979: 30).

Здесь следует отметить и наблюдения В. Г. Руделева. По его мнению, амбивалентность поэтического текста и наличие в нем значимых компонентов, которые не сводятся к элементам обычной коммуникации и позволяют предполагать особые сигналы «эстетической информации», служат предпосылкой для выделения надкоммуникативных функций языка, а также особых уровней и единиц, реализующих эти функции (Руделев, 1979: 73).

Как пишет И. Р. Гальперин, для обозначения форм связи, которые, по его мнению, богаты и разнообразны в литературно-художественных текстах, целесообразно использовать недавно вошедший в употребление термин *когезия* (от английского *cohesion* – сцепление). Исследователь данный термин определяет следующим образом: «Когезия – это особые виды связи, обеспечивающие континуум, т.е. логическую последовательность, (темпоральную и/или пространственную) взаимозависимость отдельных сообщений, фактов, действий и пр.» (Гальперин, 2006: 74) и отмечает, что когезия как категория, характерная для текста (а не для предложения), нередко влечет за собой изменение смысловых соотношений двух сцепляемых отрезков (Там же: 76).

И. Р. Гальперин выделяет три вида когезии: дистантную когезию, которая едва заметна и с трудом актуализируется в тексте (Гальперин, 2006: 75); контактную когезию, которая осуществляется контактным (смежным) повтором-подхватом и значительно более эксплицитна (Там же: 76) и ассоциативную (подтекстовую). Исследователь также утверждает, что: «Перечисленные средства когезии считаются логическими потому, что укладываются в логико-философские понятия – понятия последовательности, временных, пространственных, причинно-следственных отношений» (Там же: 78).

В настоящей статье мы будем рассматривать второй вид связи – контактную когезию, актуализированную анадиплосисом (повтором-подхватом). В результате исследования конкретных примеров нами классифицированы виды анадиплосиса якутского олонхо. Так, классификацию анадиплосисов в якутском героическом эпосе можно провести, исходя из их темпоральной направленности и выделить три основных вида: ретроспективные – обращенные к прошедшему времени, проспективные – направленные к будущему времени и условно-медиаальные. Если ретроспективные и проспективные анадиплосисы четко актуализируются в пространстве и времени, то условно-медиаальные улавливаются более сложно и не имеют четких, определенных границ. Однако, все же реализуются в медиаальной зоне, указанном в первом члене анадиплосиса.

Рассмотрим экспликацию анадиплосиса в тексте якутского героического эпоса олонхо на конкретных примерах, где основные повторяющиеся элементы будут выделены полужирным шрифтом и подчеркиванием, а члены анадиплосиса будут указаны отдельно в виде моделей-схем.

1. Ретроспективные анадиплосисы

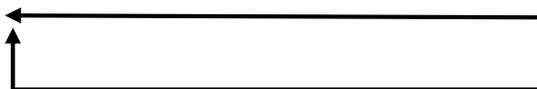
1.1. При помощи повтора форм локативного глагола «олор» в сочетании с указательным местоимением «ол»:

1.1	Өлөр өлүү абааны көтөрө кэлэн Лексэйен олорор эбит. (Ноо! Дьэ сүрдээх кыыл эбит!) <u>Ол олорон</u> эрэ... (Каратаев, 1996: 96)	Смерти-гибели птица-абаасы, прилетев, Взграмоздилась, оказывается. (Ноо! Страшная какая птица, оказывается!) Вот так усевшись... (Каратаев, 1996: 97)
1.2	Аллараа дойдуттан Атара буолан күөрэйбэккэлэр, Субу курдук олорбуттар эбит. (Ноо!) <u>Ол олорон</u> эрэн Эр Соботох бухатыыр... (Каратаев, 1996: 146)	Из Нижнего мира, Острогой оборотьясь, не высовывались – Вот так жили, оказывается. (Ноо!) Так живя, Богатырь Эр Соготох... (Каратаев, 1996: 147)
1.3	Өлөр өлүү абааны кыына Эйэннии олорор эбит. <u>Ол олороон</u> эрэн Саманнык диэн тойуктаах Сити курдук диэн кэпсэллээх Буола олорбут эбит. (Каратаев, 1996: 134)	Девка-абаасы, смерть-гибель несущая, Раскачиваясь, сидит, оказывается, Так сидя, Вот такой тойук тянет, Вот так говорит, Оказывается. (Каратаев, 1996: 135)

В данных примерах реализации анадиплосиса раскрывается посредством дословного повтора основы локативного глагола: *олор* (букв. сидеть, сядь) и его деепричастной формы на -ан: *олорон* (букв. сидя), между которыми в примерах 1.1 и 1.2 существует короткий временной разрыв. Этот разрыв заполнен традиционным возгласом восхищения слушателей «ноо!» (букв. да ну!), который эксплицитно маркирует темпоральный разрыв в повествовании. По данному поводу И. Р. Гальперин писал: «Для каждого выделяемого отрезка текста характерен и темпоральный параметр. Перерывы во временном континууме столь же необходимы для умственной деятельности, как и для физической и, продолжая сравнение, можно сказать, что переключение внимания с одного объекта на другой в развертывании СФЕ (сверхфразовое единство) или абзаца так же необходимо, как смена видов физических упражнений. Учитывая этот психофизиологический фактор, можно с большей или меньшей достоверностью проникнуть в типологические особенности членения текста» (Гальперин, 2006: 51).

Функция анадиплосиса в рассматриваемых примерах заключается в том, что сказитель свое эпическое повествование завершает аналитическим глаголом *олорор эбит / олорбуттар эбит* (букв. сидит оказывается / жили оказывается) и по прошествии перцептивного момента одновременно начинает свое сказывание этими же глаголами в деепричастной форме.

Первые члены анадиплосисов показывают завершённое действие в прошедшем времени, на что указывают сочетания глаголов в форме прошедшего времени: *олорор / олорбуттар* (сидит / жили) с частицей глагольного происхождения *эбит* (оказывается). При этом вторые члены анадиплосисов также оформлены в прошедшем времени и раскрываются при помощи сочетания указательного местоимения *ол* (тот, та, то) и деепричастия *олорон* (сидя) с словообразующими логико-смысловыми частицами *эрэ / эрэн*. Приведенные примеры моделируются по следующей схеме:

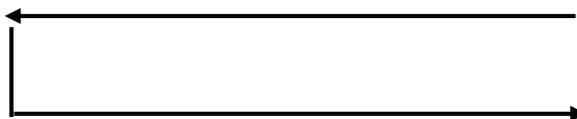

1.2. Ретроспективно-возвратные анадиплосисы

Образованные повтором форм локативного глагола «*олор*» в сочетании с указательным местоимением «*бу*»:

Дубук тыынан Дуолатаан бѐѐ олорбуттар эбит. (Нoo!) Бу олордохторуна , ... (Каратаев, 1996: 148)	Одышкой страдать стали, Черезчур гордась-чванясь, жили, говорят. (Нoo!) Когда вот так жили, ... (Каратаев, 1996: 149)
---	---

В данном примере анадиплосис образован посредством дословного повтора формы глагола локативного состояния «*олор*» (букв. сидеть, жить) в сочетании с модальной частицей «*эбит*» (оказывается) образуют форму прошедшего времени первого члена. А во втором члене анадиплосиса повторяющееся слово сочетается с указательным местоимением «*бу*» (этот, эта, это) и выражает форму настоящего времени, тем самым образуется обратная временная петля по схеме:

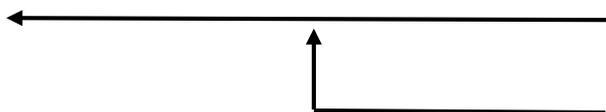
2. Условно-медиаьные анадиплосисы

2.1. Условно-медиаьный анадиплосис, обращенный в прошедшее время, образованный при помощи повтора форм глагола «*улаат*» в сочетании с указательным местоимением «*оол*»:

Омуннаахтык улааппыт эбит. Оол улаатан иһэн... (Каратаев, 1996: 148)	Так удивительно рос, оказывается. Вот так подрастая... (Каратаев, 1996: 153)
--	--

Первый член анадиплосиса показывает завершенность действия в недавнем прошлом, на что указывают повторяющееся лексема – глагол *улаат* (букв. вырастать, подрастать) в причастной форме на *-быт* в значении прошедшего времени. Второй член анадиплосиса

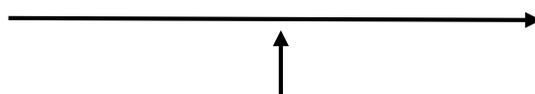
также отмечает завершенность действия в прошлом, при этом в нем значение прошедшего времени усиливается путем удвоения фонемы «о» в указательном местоимении *ол* (тот, та, то), что дает дополнительный эффект давности. А глагол в деепричастной форме на -ан: *ула-атан* со вспомогательным глаголом *иһэн* указывают на неопределенный медиальный промежуток времени в основном действии. Схему данного примера можно обозначить следующим образом:

2.2. Условно-медиальный анадиплосис, обращенный в будущее время, образованный деепричастием «*киирэн*» и вспомогательным глаголом «*ис*» в сочетании с указательным местоимением «*ол*»:

2.2.1	Курдары атыллаабыта даҕаны Киирэн бара турбута. <u>Ол киирэн иһэн</u> көрдөбүнэ, ... (Каратаев, 1996: 170)	Перешагнув, напрямик Дальше последовал. Спускаясь туда, увидел... (Каратаев, 1996: 171)
2.2.2	Им туппах дойдунан Киирэн айаннаан испитэ. <u>Ол истэбинэ</u> эмискэ, ... (Каратаев, 1996: 188)	Где осенняя безлунная темень настала, Спустившись, ехал. Когда так ехал, вдруг – (Каратаев, 1996: 189)

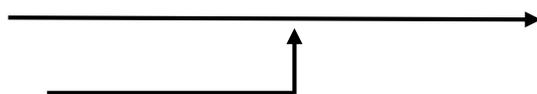
В вышеприведенных примерах первые члены анадиплосиса показывают направленность действия в будущем времени, на что указывают деепричастия на -ан: *киирэн* (букв. въехав) в сочетании с аналитическими конструкциями глагола с значением длительного вида: *бара турбута* (букв. устремился вперед) / *айаннаан испитэ* (букв. продолжал ехать). В свою очередь вторые члены подхвата маркируют неопределенную медиальную зону при помощи сочетания указательного местоимения «*ол*» (тот, та, то) и длительного вида аналитического образования глагола: *киирэн ис* (букв. проходи) в первом примере, и собственно глаголом *истэбинэ* (букв. когда шел) во втором примере.

Рассмотрим еще один подобный пример:

Уол оҕолорун утутан кэбиспиттэр, (Ноо!) <u>Ол утуйа</u> сытаа эрэн... (Каратаев, 1996: 104)	Сына своего тут же спать уложили. (Ноо!) Вот когда так спал ... (Каратаев, 1996: 105)
---	--

В рассматриваемом примере повторяются формы локативного глагола *утуй* (букв. спать, засыпать), который в первом члене анадиплосиса передается деепричастной формой *утутан* и сочетается со вспомогательным глаголом, образующим законченный вид: *кэбис* в форме прошедшего времени. А во втором члене повторяющееся лексема сочетается с указательным местоимением *ол* (тот, та, то) и формой локативного деепричастия *сытаа* (букв. лежа) со словообразующей логико-смысловой частицей *эрэн*. В результате получается, что второй член подхвата полностью указывает на условно-медиальный промежуток времени:

3. Проспективные анадиплосисы

3.1. Повторением словосочетания с указательным местоимением «ол»:

Сиэллэрэн куугуната ааһа турбут . (Нoo!) Ол ааһан туран эрэ... (Каратаев, 1996: 124)	Быстрой рысью дальше мчался. (Нoo!) Так мчась... (Каратаев, 1996: 125)
---	---

Здесь в обоих членах анадиплосиса повторяется словосочетание: *ааһа тур* (букв. пройди мимо), который состоит из сочетания форм глагола *аас* (проходить, проезжать; проследовать, идти дальше) и форм вспомогательного глагола, означающего длительность или постоянство действия *тур*. Первый член анадиплосиса, исходя из повествовательного контекста, делающего эпическую аудиторию свидетелями происходящего, означает только что завершённое действие. А второй член, благодаря указательному местоимению *ол* (тот, та, то) и логико-смысловой частице *эрэ* устремляет внимание аудитории к моменту завершения действия, где описываемый персонаж начинает новое действие. Схема примера:

3.2. Повторением словосочетания с указательным местоимением «бу»:

Үөрүү-көтүү онорбуттар эбит. (Нoo!) Бу үөрүү-көтүү онороннор... (Каратаев, 1996: 144)	Веселый пир устроили они, оказывается. (Нoo!) Веселый пир устроили, ... (Каратаев, 1996: 145)
--	--

В рассматриваемом анадиплосисе повторяется словосочетание *үөрүү-көтүү онор* (букв. устрой радость). В первом члене изменяемая часть – глагол *онор* (букв. сделать) реализован в причастной форме на *-быт* и сочетается с частицей *эбит* (оказывается) и указывает на завершенность действия. Однако, в данном конкретном случае повествование направлено на перспективу, которое исходит из общего контекста. Второй член анадиплосиса служит точкой отправления для дальнейшего повествования, чему свидетельствуют указательное местоимение *бу* (этот, эта, это) и деепричастная форма повторяемого глагола на *-ан*. Схема рассмотренного анадиплосиса:

3.3. Образованные дословным повторением локотивного сегмента предложения с модальной частицей «дабаны»:

<p>Өлөр өлүү абааны уола Өтүгүн охсунан баран Өрө ыстанан турбута. (Нoo!) Өрө ыстанан турбута даҕаны Субу курдук диэн тойуктаах, Сити курдук диэн кэпсэллээх Буола турбута. (Каратаев, 1996: 126)</p>	<p>[такой] парень-абаасы, смерть-погибель несущий, По бедру себя хлопнув, Вскочил на ноги, (Нoo!) Вскочив на ноги, Вот такой тойук затынул, Вот такие речи Стал говорить, оказывается. (Каратаев, 1996: 127)</p>
---	--

В рассматриваемом тексте эпоса олонхо содержатся также весьма редкие виды анадиплосиса, которые образованы дословным повторением целого сегмента предложения. В приведенном конкретном примере различие между членами состоит только в том, что во втором члене содержится модальная частица *даҕаны* (букв. как только), которая указывает на завершенность действия в первом члене. Схему-модель данного анадиплосиса можно показать следующим образом:

3.4. Повторением сегмента предложения с указательными местоимениями «ол / оол»:

3.4.1	<p>Үрүң сүннүүн Толкуйан киирэн барбыта. (Нoo!) <u>Ол толкуйан киирэн барбытыгар</u> (Каратаев, 1996: 130)</p>	<p>Становую жилу [противнику] Стал разрывать. (Нoo!) Когда так он разрывал, (Каратаев, 1996: 131)</p>
3.4.2	<p>Тохтоон чугуйан көрөн турбута. (Нoo!) <u>Оол тохтоон чугуйан туран</u> эрэ,... (Каратаев, 1996: 168)</p>	<p>Остановился-попятился, стал приглядываться. (Нoo!) Когда так стоял... (Каратаев, 1996: 169)</p>

В данных примерах повторяются сегменты предложения с незначительными изменениями. Так, в примере 3.4.1 во втором члене аффикс притяжательного склонения дательного падежа на 2 лицо единственного числа на *-бар* в сочетании с указательным местоимением *ол* (тот, та, то) указывает на завершенность действия, которое реализовано в первом члене. А во втором члене примера 3.4.2 упущено деепричастие на *-ан*: *көрөн* (букв. увидев) и изменена форма конечного глагола на деепричастие *-ан*: *туран* (букв. стоя). Наряду с этим, член дополнен также указательным местоимением *ол* (тот, та, то), где присутствует удвоение фонемы «о», которое придает отдаленность указываемого события. Эти примеры вписываются в схему-модель:

3.5. Дословным повторением сегмента предложения с указательным местоимением «бу»:

<p>Таас Дьяантаар Дара Буурай Эркини быһабынан Утуйан тыылла сытар эбит. (Нoo!) <u>Бу утуйан тыылла сытар</u> киини Өлөрөн өһөрөн бардахпына, Куһаҕан буолуо диэн... (Каратаев, 1996: 134)</p>	<p>Таас Джаантаар Дара Буурай, От стены до стены растянувшись, Безмятежно спит, оказывается. (Нoo!) “Если этого безмятежно спящего человека Убив-погубив, уйду – Бесчестно будет ведь”, – так подумав... (Каратаев, 1996: 135)</p>
--	---

В данном примере, в каждом члене анадиплосиса дословно повторяется сегмент предложения без всякого изменения. В первом члене информация в повторяющемся сегменте подтверждается модальной частицей *эбит* (букв. оказывается) – выражающим достоверность и очевидность сообщаемого факта. Во втором же члене олонхосут перед дословно повторяющимся сегментом использует указательное местоимение *бу* (этот, эта, это), при помощи которого вслед за устремленным вперед повествованием, восстанавливает картину для эпической аудитории на том моменте, где она оборвалась после восхищенных возгласов слушателей после первого члена анадиплосиса.

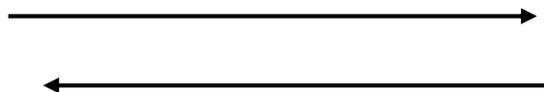

3.6. Проспективно-возвратные анадиплосисы

Повтором глагола локативного состояния «олор»:

Уол уьукта биэрэн Оронугар олоро туйэр, Олорон эрэ истибит. (Каратаев, 1996: 104)	Юноша, очнувшись, Сел на постели И стал прислушиваться. (Каратаев, 1996: 105)
--	--

В приведенном примере анадиплосис образуется дословным повторением форм глагола локативного состояния: *олор* (сидеть). В первом члене деепричастие на -а: *олоро* сочетается со вспомогательным глаголом *тус*, обозначающим кратковременность и незавершенность действия и устремляет повествование на перспективу. Во втором же члене повторяется деепричастие на -ан: *олорон* (сидя), который привязан к словообразующей логико-смысловой частицей *эрэ* и в сочетании с причастием на -*быт* в форме прошедшего времени: *истибит* (услышал), указывает на завершенность действия, тем самым образуется временная петля повествования, по схеме:

Таким образом, анадиплосисы, эксплицированные в тексте якутского героического эпоса олонхо представляют собой контактную когезию-подхват и являются одним из основных средств связи, находящихся на поверхностной структуре текста: на стыке основного эпического повествования и его дополнения.

Анадиплосисы в якутском олонхо порождены масштабностью эпического текста и являются прямым доказательством нелинейности эпического повествования. Они предваряют собой пространственно-временные отклонения от основной нити повествования сказителя. При этом дополняют основное повествование новыми отступлениями, подробностями и деталями, направленными как в прошедшем, так и в будущем временах.

В некоторых примерах содержатся традиционные возгласы восхищения слушателей «*Ноо!*» (букв. Да ну!), которые наглядно демонстрируют анадиплосис в перцептивном разрыве времени, где сказитель компонует элементы анадиплосиса, исходя из ранее изложенных фактов.

Анадиплосисы образуются посредством повторяющихся глагольных основ, дословным повтором словосочетаний и сегментов предложения, которые являются его основным организующим ядром. Все рассмотренные примеры состоят из двух взаимодополняющих членов, представляющих собой дискретные структуры. На периферии, в препозиции ядра

второго члена обнаруживаются указательные местоимения: *ол / оол* (тот, та, то), *бу* (этот, эта, это), которые являются закономерными элементами и призваны указывать направленность второго члена по отношению к первому.

Исходя из сказанного, по результатам исследования, можно произвести классификацию анадиплосисов в якутском героическом эпосе и выделить три основных вида: ретроспективные (ретроспективно-возвратные), условно-медиальные (обращенные на прошедшее и будущее время) и проспективные (проспективно-возвратные), где основным принципом классификации служит темпоральная направленность анадиплосисов.

Список литературы:

- Артеменко Е. Б., Лазутин С. Г. О языковой природе и идейно-эстетических функциях некоторых явлений поэтического синтаксиса русской народной лирики / Е. Б. Артеменко, С. Г. Лазутин // Поэтика литературы и фольклора – Воронеж, 1979. – С. 29–40.
- Вольф О. А. Каламбурная рифма, составная рифма, сдвиг и стык: к вопросу о соотношении понятий // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, 2013. – № 4. – С. 44–49.
- Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М.: КомКнига, 2006. – 144 с.
- Жирмунский В. М. Народный героический эпос / В. М. Жирмунский. – Л.: Гослитиздат, 1962. – 435 с.
- Заболотнева О. Л. Виды и функции повторов: на примере русскоязычных и англоязычных лекций // Филологические науки. Вопросы теории и практики – Тамбов: Грамота, 2012. – № 5 (16). – С. 76–79.
- Иванчикова Е. А. Лексический повтор как экспрессивный прием синтаксического распространения / Е. А. Иванчикова // Мысли о современном русском языке. Сб. ст. под ред. акад. В. В. Виноградова. – М.: Просвещение, 1969. – С. 126–139.
- Каратаев В. О. Якутский героический эпос «Могучий Эр Соготох» / [Магнитофонная зап., подг. текста В. В. Илларионова; пер. П. Е. Ефремова и др.; ред. пер. и науч. аппарата Е. Н. Кузьмина, С. П. Рожнова; вступ. стат. Н. В. Емельянова, В. В. Илларионова; музыковед. стат. Э. Е. Алексеева; нотные зап. Н. Н. Николаевой; ред. музыковед. разд. тома Р. Б. Назаренко; фотоилл. В. Т. Новикова и др.] / В. О. Каратаев. – Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма РАН, 1996. – 440 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).
- Князева Н. В. Лексический повтор как средство создания синтаксических единиц // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – М.: Научно-информационный издательский центр и редакция журнала "Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук", 2016. – № 5-3. – С. 58–61.
- Конунов А. А. Стилиевые приемы в героическом эпосе «Алтай-Буучай» // Языки и фольклор коренных народов Сибири. – Новосибирск: ФГБУН Институт филологии СО РАН, 2014. – № 1(26). – С. 20–27.
- Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – С. 79.
- Руделев В. Г. Принципы сегментации поэтической речи / В. Г. Руделев // Поэтика литературы и фольклора – Воронеж, 1979. – С. 71–78.

Борисов Ю. П., кандидат филологических наук.

Научно-исследовательский институт Олонхо Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова.

Ул. Белинского, 58, Якутск, Республика Саха, Россия, 677000.

Магистр филологии.

Институт языков и культуры народов Северо-Востока Российской Федерации, Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова.

Ул. Кулаковского, 42, Якутск, Республика Саха, Россия, 677000.

E-mail: olonhoman@mail.ru

Материал поступил в редакцию 24 апреля 2018 г.

Yu. P. Borisov

ANADIPLOSIS AS A MEANS OF COHESION: THE LOCATIVE-TEMPORAL RELATIONS OF EPIC NARRATIVE OF OLONKHO

The study of the phenomenon of anadiplosis is an urgent research task. Semantic analysis of epic language units were conducted while dictionary definitions, while identifying anadiplosis in the text of the Yakut heroic epic "Mighty Er Sogotokh" of V. O. Karataev. To identify with sufficient completeness the variety and diversity of means of cohesion expressed by anadiplosis in the text of Olonkho, the decomposition of anadiplosis to the elements was performed with the help of component analysis. The verification method is used for linguistic units to establish the truth of ontological information concerning the problem of cohesion in the evolution of the epic narrative. The direct nominative meaning of the linguistic units of the Yakut language is taken to reflect the main components of the analyzed structure, and contributes to the explication of the unit's actualization in the context. The semantic-cognitive analysis using cognitive interpretation of anadiplosis reveals the venture point of the narrator and the audience on the epic reality, epic articulation of time and space. Retrospective and prospective analysis of the examples has been used to describe and classify aspects of anadiplosis in Olonkho. The general method of research is inductive-deductive, i.e. as a result of the analysis of language data, theoretical conclusions are made. In consequence of the study it is determined that anadiplosis in the text of the Yakut heroic epic Olonkho, represents the contact cohesion, and is one of the main means of effective communication, explicit in the surface structure of the text: at the junction of the main epic narrative and its complement. They are generated by the epic scale of the text and are a clear evidence of the nonlinearity of epic narrative, as also evidenced by the simulated schemes of anadiplosis. It was also revealed that anadiplosis is formed through repetition and verbal repetition in conjunction with demonstratives: *ol / ool, bu*. All considered examples consist of two complementary terms, which are discrete structures. In the classification of anadiplosis we can distinguish three main types: retrospective, conditionally medial and prospective, where the main principle of classification is the temporal focus of anadiplosis.

Key words: *Olonkho, catching up, junction, anadiplosis, cohesion, repetition, retrospective anadiplosis, medial anadiplosis, prospective anadiplosis, return anadiplosis.*

References:

- Artemenko E. B., Lazutin S. G. O jazykovej prirode i idejno-jesteticheskikh funkciyah nekotoryh javlenij pojeticheskogo sintaksisa russkoj narodnoj liriki [On the linguistic nature and ideological and aesthetic functions of some phenomenon of the poetic syntax of the Russian folk lyrics] / E. B. Artemenko, S. G. Lazutin // Pojetika literatury i fol'klora – Voronezh, 1979. – P. 29–40. (in Russian)
- Gal'perin I. R. Tekst kak ob#ekt lingvisticheskogo issledovaniya [Text as an object of linguistic research] / I. R. Gal'perin. – M.: KomKniga, 2006. – 144 p. (in Russian)
- Ivanchikova E. A. Leksicheskij povtor kak jekspressivnyj priem sintaksicheskogo rasprostraneniya [Lexical repetition as an expressive method of syntactic distribution] / E. A. Ivanchikova // Mysli o sovremennom russskom jazyke. Sb. st. pod red. akad. V. V. Vinogradova – M.: Prosveshhenie, 1969. – P. 126–139. (in Russian)
- Karataev V. O. Jakutskij geroicheskij jepos «Moguchij Jer Sogotoh» [The Yakut heroic epic "Mighty Er Sogotokh"] / V. O. Karataev. – Novosibirsk: Nauka. Sibirskaja izdatel'skaja firma RAN, 1996. – 440 p. – (Pamjatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka). (in Russian)
- Knjazeva N. V. Leksicheskij povtor kak sredstvo sozdaniya sintaksicheskikh edinic [Lexical repetition as a means of creating syntactic units] // Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk – M.: Nauchno-informacionnyj izdatel'skij centr i redakcija zhurnala "Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk", 2016. – № 5-3. – P. 58–61. (in Russian)
- Konunov A. A. Stilevyje priemy v geroicheskom jepose «Altaj-Buuchaj» [Stylistic techniques in the heroic epic "Altai-Buuchai"] // Jazyki i fol'klor korenyh narodov Sibiri. – Novosibirsk: FGBUN Institut filologii SO RAN, 2014. – № 1 (26). – P. 20–27. (in Russian)
- Literaturnyj jenciklopedicheskij slovar' [Literary encyclopedic dictionary] / pod obshh. red. V. M. Kozhevnikova, P. A. Nikolaeva. – M.: Sovetskaja jenciklopedija, 1987. – 751 p. (in Russian)

Rudelev V. G. Principy segmentacii pojeticheskoi rechi [Principles of poetic speech segmentation] / V. G. Rudelev // Pojetika literatury i fol'klora – Voronezh, 1979. – P. 71–78. (in Russian)

Vol'f O. A. Kalamburnaja rifma, sostavnaja rifma, sdvig i styk: k voprosu o sootnoshenii ponjatij [Punning rhymes, compound rhymes, shear and junction: to the question of the relationship between the concepts] // Vestnik Hakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova – Abakan: Hakasskij gosudarstvennyj universitet im. N. F. Katanova. – 2013. – № 4. – P. 44–49. (in Russian)

Zabolotneva O. L. Vidy i funkcii povtorov: na primere russkojazychnyh i anglojazychnyh lekcij [Types and functions of repetitions: on the example of Russian and English lectures] // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Tambov: Gramota, 2012. – № 5 (16). – P. 76–79. (in Russian)

Zhirmunskij V. M. Narodnyj geroicheskij jepos [Folk heroic epic] / V. M. Zhirmunskij. – L.: Goslitizdat, 1962. – 435 p. (in Russian)

Borisov Yu. P., Candidate philol. nauk.

Olonkho Research Institute, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

St. Belinskogo, 58, Yakutsk, Republic of Sakha, Russia, 677000.

Master of philology.

Institute of Languages and Cultures of the Peoples of the North-East, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

St. Kulakovskogo, 42, Yakutsk, Republic of Sakha, Russia, 677000.

E-mail: olonhoman@mail.ru